413 5/69

229
2 13 5/69
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
480008

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ Г. ЗАБѢЛИНА:

«Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII ст.» Москва, 1869 г.

Составленъ профессоромъ И. Бѣляевымъ.

Настоящая книга по заглавію своему должна представлять живой интересъ для занимающагося русскою исторіею: и дѣйствительно она даетъ много интереснаго для историка, въ ней собраны драгоцѣнные матеріалы, долженствующіе выяснить многія стороны обиходной жизни царскаго дворца, такія стороны, которыя безъ сихъ матеріаловъ или вовсе бы ускользнули отъ вниманія, или были бы непонятны; между тѣмъ какъ выясненные могутъ многое объяснить въ исторіи и на многое указать, что безъ нихъ осталось бы незамѣтнымъ. Но, къ сожалѣнію, авторъ, увлеченный предвзятыми идеями почти не занялся этою стороною предмета, и старался только о томъ, чтобы такъ или иначе, хотя сколько-нибудь подтвердить напередъ принятую теорію, причемъ не рѣдко впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, какъ это будетъ доказано въ разборѣ самой книги по главамъ.

Глава I-я настоящей книги носитъ заглавіе: «женская личность въ до-петровскомъ обществѣ» — собственно же говоритъ о мнимомъ родовомъ бытѣ, подъ которымъ будто бы жило русское общество до-Петровскаго времени. Авторъ на стр. 11 прямо говоритъ: «идея родовой зависимости построила по своему образцу всѣ общественныя отношенія лицъ, весь общественный нашъ бытъ,

229

такъ что древнее русское общество въ существенномъ и непосредственномъ смыслѣ есть собственно не *общество*, а *родство*, ибо его общее, его идея заключалась въ идеѣ рода, а не въ идеѣ независимой личности». На сколько противорѣчатъ всему смыслу Русской исторіи всѣ подобныя ни на чемъ неосновавныя разсужденія о родовомъ устройствѣ древняго русскаго общества, лучшимъ доказательствомъ служитъ древнѣйшій памятникъ Русскаго законодательства — *Русская правда*, которая ни однимъ словомъ не указываетъ на какое-либо общественное значеніе рода или родства, а напротивъ, знаетъ и считаетъ членомъ общины только семью, состоящую исключительно изъ отца съ матерью и дѣтей, такъ что имѣніе, оставшееся по смерти хозяина неоставившаго дѣтей, признаетъ выморочнымъ и не допускаетъ къ наслѣдству никакихъ другихъ родственниковъ, кромѣ дѣтей; слѣдовательно прямо отрицаетъ всякое общественное значеніе рода или родства. Конечно, всѣ толкованія о родовомъ бытѣ не новость въ нашей исторической литературѣ и давно уже подробно опровергнуты. Но авторъ какъ бы игнорируетъ опроверженія и ухватился за родовой бытъ для того, чтобы сказать, что въ древнемъ Русскомъ обществѣ женщина не имѣла личности, ибо родовой бытъ не допускаетъ никакой личности; другой причины разсужденій автора о родовомъ бытѣ нѣтъ; а какъ причина эта отвергается законодательными памятниками древности, стало быть и отрицаніе женской личности въ древнемъ Русскомъ обществѣ остается не доказаннымъ. Это чувствовалъ и самъ авторъ, и потому во второй главѣ старается пріискать новыя доказательства на ту же тему, но конечно съ такою же неудачею.

Глава II-я озаглавлена такъ: *главныя черты женской личности въ до-петровское время.* На первой же страницѣ этой главы авторъ встрѣчается съ личностію в. к. Ольги жены Игоревой, и конечно уже не можетъ отрицать высокаго общественнаго значенія женской личности въ этой княгинѣ, онъ и не отрицаетъ, а напротивъ прямо говоритъ: «дѣятельность Ольги представляетъ намъ типическій образъ всей княжеской дѣятельности перваго вѣка, олицетворяетъ идеи жизни этого вѣка. Ольга дѣлаетъ то, что дѣлали всѣ первые князья, воевавшіе и торговавшіе съ Царьградомъ, покорявшіе сосѣднія племена, уставлявшіе уставы, уроки и дани. Все это было обычнымъ княжескимъ дѣломъ въ то время. Необычайно только то, что Ольга женщина совершаетъ эти мужскія и мужественныя дѣла. Но казалось ли это необычайнымъ для ея со-

временниковъ? Мы полагаемъ, что общее убѣжденіе вѣка находило дѣянія Ольги очень обыкновенными и весьма естественными. Въ сущности она ничего не дѣлала такого, что могло бы противорѣчить ея положенію... Не могло быть, чтобы женщина, находясь въ сферѣ, гдѣ мужественное дѣло и отвага составляютъ стихію жизни, не воспитывалась подъ сильнымъ вліяніемъ этой стихіи, чтобы свобода дѣйствій, которая сама собою уже разумѣется въ представленіи о мужественномъ дѣлѣ и отвагѣ, не распространялась и на женщину, не смотря даже на физіологическія условія ея пола... Богатырскія свойства мужчины должны были поднимать богатырскія свойства и въ женщинѣ. Иначе и быть не могло» (стр. 78—79). Такимъ образомъ авторъ при первомъ прикосновеніи къ историческимъ фактамъ нашелся вынужденнымъ отступиться отъ того, что старался доказать въ первой главѣ и въ прямое отрицаніе всего тамъ сказаннаго признать въ женщинѣ и личность и общественное положеніе почти равныя съ мужчинами. И не обинуясь приводитъ слова В. Шульгина: «личность Ольги язычницы должна представляться намъ не какимъ-либо исключительнымъ явленіемъ, а простымъ, естественнымъ, самымъ обычнымъ типомъ жизни. Въ чертахъ Ольги мы можемъ видѣть типъ русской женщины язычницы, выразившій въ себѣ ту весьма значительную долю свободныхъ дѣйствій, какая принадлежала по обычаю языческаго вѣка вообще женскому полу въ древнѣйшемъ Русскомъ обществѣ». Слѣдовательно длинныя тирады о родовомъ бытѣ, будто бы уничтожающія личность женщины, остаются не причемъ: язычество выручаетъ женщину, даетъ и личность и общественное положеніе.

Но воздавши должное Ольгѣ и вообще русской женщинѣ во время язычества, авторъ отрицаетъ всякое общественное значеніе русской женщины христіанки, по его словамъ: «принесенныя къ намъ изъ Византіи литературныя, аскетическія и вообще восточныя, азіатскія представленія, совсѣмъ чуждыя, ни мало несвойственныя нашей сѣверной природѣ, и физической и нравственной, въ духѣ своемъ клонились и стремились къ тому, чтобы поставить женскую личность въ самое невидное мѣсто общественной организаціи, чтобы вовсе отдалить ее изъ общества, какъ всякую помѣху для нравственныхъ дѣлъ и дѣяній мужчинъ, какъ воплощенную человѣческую слабость и шаткость нрава» (стр. 86). Такимъ образомъ христіанство принесенное на Русь изъ Византіи по мнѣнію автора проповѣдовало только аскетизмъ и какія-то вообще восточныя

азіатскія представленія, и прямо гнало русскую женщину или дѣвицу въ монастырь или теремъ, который былъ тотъ же монастырь или уподоблялся монастырю, какъ говоритъ авторъ на стр. 96-й. Подобное воззрѣніе на христіанскую церковь, на ея учительную литературу конечно не новость, оно встрѣчается у иныхъ мыслителей; но это еще не доказываетъ, что оно справедливо, и едва-ли какой серьезный ученый рѣшится основывать на немъ какіе-либо историческіе выводы; несостоятельность его такъ очевидна, что ненастоитъ надобности и опровергать таковое воззрѣніе. Историческіе факты прямо говорятъ, что съ принятіемъ христіанства положеніе русской женщины въ обществѣ не только не унизилось, а напротивъ во многомъ возвысилось и улучшилось; терема ни сколько не были порожденіемъ христіанства, они существовали и во время язычества, какъ свидѣтельствуютъ древнія былины, и притомъ они ни сколько не выражали жизни затворнической и постнической или монастырской; теремъ въ народномъ поэтическомъ изображеніи всегда представлялся свѣтлымъ и изукрашеннымъ, а жительницы его—рѣзвыми и веселыми, а не постницами и монастырками. Самъ авторъ съ прикосновеніемъ къ фактамъ отступается отъ своей теоріи и русскихъ женщинъ христіанокъ признаетъ съ такимъ же положеніемъ въ обществѣ, въ какомъ находилась Ольга язычница, слѣдовательно прямо отрицаетъ собственное свое воззрѣніе, что христіанское ученіе удаляло женщину отъ общества. Онъ, на стран. 99, говоритъ: «Мы встрѣчаемъ Новгородку боярыню, Марѳу Борецкую, пирующую въ обществѣ мужчинъ, Новгородскихъ бояръ. Мы видимъ также что матерыя вдовы великія княгини, въ Москвѣ Евдокія, Софія, въ Твери Евдокія, Анастасія, въ Рязани Анна, въ Суздали Елена, и т. д. при малолѣтнихъ или молодыхъ сыновьяхъ получаютъ большое самостоятельное значеніе; онѣ сидятъ на *вдовьемъ столѣ*, т. е. на отчинномъ владѣніи своихъ мужей, слѣдовательно по необходимости являются дѣятелями общества, принимаютъ участіе въ мужескомъ общежитіи, сидятъ въ думѣ, въ совѣтѣ съ боярами, принимаютъ пословъ, имѣютъ даже своихъ особыхъ *бояръ*, и вообще своею личностію заступаютъ во многихъ случаяхъ мѣсто княжеской мужниной личности». Стало быть и будучи христіанами поступаютъ также, какъ поступала Ольга язычница.

Но у нашего автора фактъ фактомъ, а теорія теоріей, и послѣдняя не хочетъ и знать перваго. Послѣ упоминанія о приведенныхъ выше княгиняхъ заступавшихъ своею личностію мѣсто

княжеской мужниной личности, авторъ, на стр. 101, пишетъ: «съ утвержденіемъ единодержавія развитіе общественныхъ правъ женщины прекратилось, а домашняя жизнь стала еще тѣснѣе. Теремъ сдѣлался не только монастыремъ, но и крѣпостью, которая защищала уже не отъ однихъ грѣховъ, но и отъ всякихъ лиходѣевъ и враговъ. Въ началѣ XVI вѣка затворничество женщинъ было дѣломъ уже окончательно рѣшеннымъ и не подлежащимъ никакому сомнѣнію и колебанію». А между тѣмъ на дѣлѣ эти теремныя затворницы, когда бывала надобность по прежнему являются общественными дѣятелями, пользуются полною самостоятельностью и даже въ качествѣ великихъ княгинь управляютъ государствомъ, такъ напр. В. К. Елена, мать Іоанна Грознаго во время малолѣтства сына до своей кончины управляла государствомъ, вела войны, заключала мирные договоры, издавала законы, смиряла возмущавшихся удѣльныхъ князей, укрѣпляла Москву, и вообще поступала также, какъ Ольга и другія княгини, о которыхъ говорилось выше; слѣдовательно нисколько не была затворницею, хотя и жила въ XVI вѣкѣ, когда, по мнѣнію нашего автора, затворничество женщинъ было уже дѣломъ окончательно рѣшеннымъ. То же должно сказать о княгинѣ Евфросиніи, матери князя Владиміра Андреевича, которая въ 1553 году во время болѣзни Іоанна Грознаго была едва ли не главною заводчицею крамолы въ пользу своего сына, и не давала приложить печать къ клятвенной грамотѣ, въ которой Владиміръ Андреевичь наконецъ обѣщался не искать царства. Не менѣе трудно признать затворницами: мать знаменитаго князя Василья Васильевича Голицына — Татьяну Ивановну и супругу его Евдокію Ивановну, которыя, какъ видно изъ ихъ переписки съ нимъ, принимали дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ того времени, хлопотали о посылкѣ воинскихъ отрядовъ въ походъ къ Василью Васильевичу, по нѣскольку разъ ѣздили лично къ большимъ боярамъ, приближеннымъ Царя, строго слѣдили за всѣми придворными перемѣнами и служебными назначеніями и обо всемъ постоянно увѣдомляли князя Василья Васильевича бывшаго въ походѣ; а мать даже иногда даетъ ему совѣты, такъ въ одномъ письмѣ къ нему пишетъ: «И ты будь свѣтъ мой къ князю Андрею Хилкову пріятенъ, и не говори мой свѣтъ ничего про Долгорукихъ при князѣ Андреѣ Хилковѣ». Такимъ образомъ факты свидѣтельствуютъ, что и въ XVI и въ XVII столѣтіяхъ дѣятельность и положеніе женщинъ въ русскомъ обществѣ остаются тѣ же, какими они были въ XIV и XV столѣтіяхъ и

раньше, и женскій теремъ нисколько не былъ монастыремъ, въ немъ жизнь кипѣла, можетъ быть, также, какъ она кипитъ и нынѣ въ знатныхъ домахъ на женской половинѣ.

Глава III. *Женская личность въ положеніи царицы.* Эту главу можно раздѣлить на двѣ половины. Первая половина излагаетъ теорію государственнаго устройство въ древней Россіи, основанную на слѣдующихъ положеніяхъ: 1-е «Русская земля была отдана на растерзаніе княжескому произволу, который какъ звѣрь ждалъ всюду добычи, подстерегалъ ее, хваталъ ее при первой возможности, надѣясь лишь на одну силу, хитрость и всякое коварство, свойственное его хищнической природѣ» (стр. 193) и второе положеніе: «Московское собираніе земли, выразившее въ себѣ задачу всей прошлой исторіи, основную ея идею, было проведено, соотвѣтственно характеру времени, путемъ захвата, насилія, коварства, предательства; путемъ всѣхъ пороковъ, какіе обыкновенно порождаетъ борьба необузданнаго своеволія и самовластія... Въ Московскомъ дворцѣ, такимъ образомъ, собралось столько элементовъ нравственнаго растлѣнія, что этотъ дворецъ на долго сдѣлался поприщемъ для самыхъ темныхъ и не рѣдко безчеловѣчныхъ дѣлъ и событій» (стр. 196). Конечно сихъ положеній нельзя доказать историческими фактами; но за то они драгоцѣнны для теоріи нашего автора, на нихъ можно построить хотя бы такой выводъ: «Государева особа охранялась не народною любовію, а ужасомъ доноса, розыска, пытки, ужасомъ знаменитаго *слова и дѣла*, котораго настоящій смыслъ народился именно въ дворцовыхъ покояхъ и оттуда уже распространился на всю землю. Все это были неизбѣжныя послѣдствія той ожесточенной борьбы самовластныхъ и монархическихъ стремленій, которая вращалась въ Московскомъ дворцѣ со времени соединенія всей земли въ одно самодержавіе» (стр. 209).

Вторая половина настоящей главы говоритъ о государевыхъ бракахъ, именно съ перваго брака В. К. Василья Ивановича, для котораго отецъ его, В. К. Иванъ Васильевичь, велѣлъ собрать со всего государства дочерей служилыхъ людей для выбора невѣсты для молодаго княжича наслѣдника престола; потомъ подъ именемъ исторіи царскихъ невѣстъ излагаетъ подробно исторически извѣстные выборы царскихъ невѣстъ и придворные происки по случаю сихъ выборовъ. И особенно подробно изложены выборы и смотры царскихъ невѣстъ въ XVII столѣтіи, потому что отъ этого времени дошло до насъ болѣе извѣстій объ этомъ предметѣ и даже

подлинныя дѣла. Такъ напримѣръ исторія выбора и дѣло о болѣзни первой невѣсты царя Михаила Ѳеодоровича — Марьи Ивановны Хлоповой, продолжавшееся семь лѣтъ и кончившееся тѣмъ, что царь по требованію своей матери инокини Марѳы Ивановны не женился на Хлоповой. Также подробно описаны выборы второй супруги царя Алексѣя Михайловича Натальи Кириловны Нарышкиной, и первой его невѣсты Еѳиміи Ѳедоровны Всеволожской.

Глава IV имѣетъ заглавіе: *Обрядъ царицыной жизни, комнатной и выходной* Съ этой главы собственно начинается описаніе домашняго быта русскихъ царицъ, частью въ XVI, а подробнѣе въ XVII столѣтіи, ибо отъ послѣдняго вѣка дошло болѣе извѣстій преимущественно оффиціальныхъ. Эту главу авторъ начинаетъ собираніемъ свидѣтельствъ иноземныхъ и своихъ о такъ названной имъ замкнутости царицина быта; но свидѣтельства имъ собранныя скорѣе указываютъ только на то, что въ бытѣ русскихъ царицъ не было распущенности. Правда, что царицы не были участницами общественныхъ гуляній, не ѣздили въ театръ, котораго еще не было, не участвовали въ церемоніальныхъ торжествахъ, посторонніе мужчины не были ихъ обычными собесѣдниками; но все это доказываетъ только, что у царицъ былъ свой кругъ занятій и кругъ довольно обширный, далеко не выражающій замкнутости, какъ объ этомъ въ той же главѣ говоритъ самъ авторъ.

Такъ на стр. 296 авторъ пишетъ: «Замкнутость царицына быта и особенно быта царевень способствовала водворенію въ ихъ хоромахъ монастырской жизни. *Молитва и милостыня*—вотъ исключительная, единственная и достойная стихія этой жизни, руководившая не только помышленіями, но и всѣми поступками и подвигами ея дѣятелей». Но молитва и милостыня, въ той формѣ, въ какой онѣ совершались тогда царицами, говорятъ не столько о замкнутости, сколько объ общеніи, такъ молитва совершалась и дома и въ дворцовыхъ церквахъ, а иногда и нерѣдко царицы ходили или ѣздили въ городскія церкви и загородные монастыри, иногда довольно отдаленные, и на дорогѣ царицы подавали ручную милостыню и принимали челобитныя отъ нуждающихся въ ихъ пособіи людей; въ отдаленныхъ походахъ въ монастыри царицы принимали по дорогѣ разные мелкіе дары отъ мѣстныхъ жителей всякаго чина и за это сами платили подарками и вступали въ разговоры съ приносителями, покупали разныя простыя лакомства и игрушки для своихъ дѣтей, какъ объ этомъ разсказываетъ самъ авторъ на основаніи тогдашнихъ памятниковъ. Самая до-

машняя бесѣда о богоугодныхъ подвижникахъ и ихъ подвигахъ заставляла входить въ общеніе съ людьми и дѣлами заслуживающими вниманія и уваженія; разсказы о подвижникахъ доносились въ хоромы царицы изъ отдаленнѣйшихъ угловъ русской земли и вызывали царицъ входить въ сношеніе съ людьми для большаго удостовѣренія въ разсказахъ, а иногда и на личное знакомство съ подвижниками. Такъ напримѣръ въ 1634 году царица Евдокія Лукьяновна писала къ своему бывшему духовнику въ Новгородъ, чтобы онъ отписалъ къ ней: сколько въ Новгородѣ и Новгородскихъ мѣстахъ чудотворныхъ мѣстъ, и въ коемъ мѣстѣ и который чудотворецъ какими чудесы отъ Бога просвѣщенъ. А царица Анастасія Романовна, супруга Іоанна Грознаго вызывала въ Москву Сольвычегодскаго пустынника Христофора.

Но кромѣ богомолья и милостыни у царицъ бывали торжественные или церемоніальные выходы и пріемы въ большіе годовые праздники и по разнымъ случаямъ семейнымъ и общественнымъ, когда самъ царь является въ золотой царицыной палатѣ съ высшимъ духовенствомъ и значительнѣйшими свѣтскими чинами, которые на стран. 341—346 описываетъ самъ авторъ, и на которые во дворцѣ царицы имѣлись особыя выходныя книги, къ сожалѣнію до насъ недошедшія. Потомъ у царицъ бывали въ опредѣленные дни пріѣзды боярынь, имѣющихъ право пріѣзда по особымъ приглашеніямъ, которыя за обѣденными столами садились по счетамъ мѣстничества, и имъ велись списки въ разрядныхъ книгахъ. Нашимъ авторомъ приведены и общіе сводные списки пріѣзжихъ боярынь, которыя въ теченіи XVII столѣтія у трехъ царицъ пользовались правомъ пріѣзда во дворецъ къ столамъ, получали именинные пироги и принимали отъ царицы почетныя посольства со здоровьемъ по случаю ея родинъ. Въ этихъ спискахъ имѣли право пріѣзда при царицѣ Евдокіѣ Лукьяновнѣ Стрѣшневой болѣе шестидесяти боярынь, при царицѣ Марьѣ Ильиничнѣ Милославскихъ сорокъ девять боярынь, при царицѣ Натальѣ Кириловнѣ Нарышкиныхъ сорокъ четыре боярыни. Къ столамъ царицъ Евдокіи Лукьяновны и Марьи Ильиничны наравнѣ съ боярынями приглашались также и старицы-монахини трехъ Московскихъ дѣвичьихъ монастырей: Вознесенскаго, Новодѣвичьяго и Алексѣевскаго преимущественно изъ знаменитыхъ боярскихъ фамилій. Кромѣ того, у царицъ бывали пріемы и даже обѣденные столы пріѣзжимъ иноземнымъ знаменитостямъ, имѣвшимъ высокое положеніе; такъ В. К. Елена Васильевна, супруга В. К. Василья Ивановича въ 1536 г.

принимала и угощала обѣденнымъ столомъ царицу Шигалееву Фатьму Салтанъ. Или въ 1654 году царица Марья Ильинична принимала Грузинскую царицу Елену Леонтьевну нѣсколько разъ. Или въ 1589 году у царицы Ирины Ѳедоровны былъ пріемъ патріарху константинопольскому Іереміи. Конечно на всѣхъ таковыхъ пріемахъ и обѣдахъ сидѣли не молча и разговоры не ограничивались одними разсказами о чудесахъ святыхъ угодниковъ; по крайней мѣрѣ мы знаемъ, что чрезъ боярынь, пріѣзжающихъ къ царицѣ, бояре нерѣдко дѣйствовали и на царя; слѣдовательно на царицыныхъ обѣдахъ бывали разговоры и о дѣлахъ общественныхъ.

Въ повседневной жизни царица занималась распоряженіями по вѣдомству своей мастерской палаты, слушала доклады по управленію во всѣхъ приказахъ своего вѣдомства, разбирала челобитныя подаваемыя людьми ищущими ея помощи и занималась судными дѣлами своей судной палаты, гдѣ судился ея царицынъ чинъ; на ея же попеченіи было устройство всѣхъ служащихъ при ней и управленіе ея вотчинами. Въ послѣ-обѣденное время, особенно въ праздничные дни и долгіе осенніе и зимніе вечера отдавались разнаго рода домашнимъ комнатнымъ утѣхамъ и увеселеніямъ. А въ лѣтнее время царица дѣлала выѣзды для гулянья по царскимъ селамъ около Москвы. Нѣкоторые изъ этихъ выѣздовъ нашимъ авторомъ описаны по сохранившимся памятникамъ. Все это нисколько не свидѣтельствуетъ о замкнутости царицына быта, и ни сколько не говоритъ, чтобы царица занималась только молитвою и милостынею, и чтобы дворецъ царицы походилъ на монастырь.

Глава V. *Дворцовыя забавы, увеселенія и зрѣлища.* Эту главу авторъ начинаетъ длиннымъ разглагольствіемъ о какой-то Византійской идеѣ аскетизма, бывшей будто бы руководящимъ началомъ нашей образованности въ до-петровское время. Онъ прямо говоритъ: «Древне-Русское общежитіе изъ своей первобытной непосредственности попало прямо подъ бичеванье Византійской аскетической идеи, отвергавшей на всѣхъ путяхъ и свободу знанія и свободу творчества... Лучшія силы человѣческаго развитія были не только запрещены, но даже прокляты. Міръ свободной науки былъ проклятъ, какъ міръ ереси и невѣрія. Міръ свободнаго творчества былъ проклятъ, какъ міръ соблазна. Поэзія во всѣхъ своихъ видахъ была изгнана изъ общежитія, какъ грѣховная стихія. Такою же грѣховною стихіею являлось свободное художественное творчество во всѣхъ родахъ искусства. Жизнь этого общества исполненная лишь одного отрицанія, лишенная философскихъ и

поэтическихъ созерцаній и идеализацій, стала въ общемъ наклонѣ уподобляться жизни стада, гдѣ первое исключительное побужденіе — *кормъ* въ животномъ смыслѣ; а затѣмъ тяжелое умственное лежаніе на боку и медленное нескончаемое пережевываніе двухъ-трехъ понятій или двухъ-трехъ идей, какимъ былъ ограниченъ общественный кругозоръ жизни» (стр. 388—391). Такимъ образомъ, по понятіямъ нашего автора, христіанская церковь принятая изъ Византіи съ своими высокими, истинно поэтическими пѣснопѣніями, съ своими молитвами и поученіями исполненными высокихъ истинъ, обнимающихъ весь міръ человѣческаго духа и отвѣчающихъ на всѣ существенныя вопросы жизни, обратилась въ какую-то Византійскую идею аскетизма, господство которой довело дѣло до того, что жизнь стараго русскаго общества стала уподобляться жизни стада, гдѣ первое и исключительное побужденіе — *кормъ* въ животномъ смыслѣ, а затѣмъ тяжелое умственное лежаніе на боку и нескончаемое пережевываніе двухъ-трехъ понятій. А между тѣмъ это общество, занимающееся лежаніемъ на боку, съумѣло сбросить иго Татаръ, сдѣлать отпоръ Литвѣ и Польшѣ, не пустить Нѣмцевъ за Нарову и сдѣлалось могущественнымъ государствомъ, соединившимъ въ себѣ всѣ удѣльныя Русскія княжества и занявшимъ весь сѣверо-востокъ Европы, у этого общества занимавшагося нескончаемымъ пережевываніемъ двухъ-трехъ понятій, была своя литература и переводная и не переводная, и духовная и мірская. Это общество дорожитъ своею исторіею, оно оставило намъ много лѣтописей и разныхъ сказаній. Это общество, у котораго, по словамъ автора, поэзія была изгнана во всѣхъ своихъ видахъ, какъ грѣховная стихія, оставило намъ великое множество былинъ и пѣсней, исполненныхъ истинной поэзіи. Суровый дидаскалъ, по словамъ автора, отвергавшій и отрицавшій всякое мірское удовольствіе, на самомъ дѣлѣ на Московскомъ соборѣ 1551 года даже не находилъ нужнымъ гнать скомороховъ, какъ скомороховъ, когда это ему предлагалъ царь Иванъ Васильевичь; онъ только посовѣтовалъ царю издать указъ, чтобы скоморохи, ходя по селамъ, не предавались грабежу и насильству (гл. 41). Этотъ же дидаскалъ, по словамъ автора отвергавшій на всѣхъ путяхъ свободу знанія, на соборѣ 1551 года заботится о заведеніи училищъ по всѣмъ городамъ, но конечно преслѣдуетъ и ереси и суевѣрія.

Послѣ ожесточенныхъ нападеній на мнимую идею Византійскаго аскетизма, авторъ переходитъ къ изложенію забавъ и увесе-

леній царскаго дворца и описываетъ ихъ по дошедшимъ до насъ памятникамъ большою частью оффиціальнымъ. Здѣсь, во первыхъ, говорится о дуракахъ или скорѣе о шутахъ; авторъ собралъ свѣдѣнія объ этомъ предметѣ со временъ царя Ивана Васильевича до временъ императрицы Анны Ивановны, сюда же онъ отнесъ и лубочныя картинки съ шутовскими рѣчами и изображеніями. За дураками и шутами слѣдуютъ бахари или сказочники, домрачеи и гусельники. Здѣсь, не смотря на прежнее отрицаніе всякой народности творчества и поэзіи въ нашемъ древнемъ обществѣ, авторъ говоритъ, противорѣча себѣ, что народная поэзія жила еще довольно полною жизнью и устное поэтическое слово постоянно оглашало и дворцовыя палаты, и хоромы бояръ, и народныя празднества и игрища, что пѣвцы и сказатели были людьми необходимыми въ тогдашней общественной и домашней жизни» (стр. 429). Но какъ бы спохватившись авторъ, желая поддержать прежнее свое показаніе объ отрицаніи поэзіи, говоритъ: «Въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ писать на бумагѣ пѣсни, значило кощунствовать, развратничать... Вотъ почему никакой Котошихинъ и не осмѣливался записать старыя наши былины, повѣсти и пѣсни, и никакой боринъ, и тѣмъ болѣе самъ Государь не могъ и подумать о томъ, чтобы собрать въ книгу народныя пѣснопѣнія» (стр. 427—428). Такимъ образомъ, по заключеніямъ нашего автора, народная поэзія терпѣла страшное гоненіе отъ суроваго дидаскала именно потому, что пѣсенъ тогда никто не записывалъ, а между тѣмъ ихъ вездѣ пѣли и пѣвцы были необходимыми людьми въ тогдашней жизни и общественной и домашней, слѣдовательно и записывать не было надобности. Далѣе авторъ пишетъ о потѣшной палатѣ при государевомъ дворцѣ, состоявшей въ вѣдѣніи царскаго постельничаго, а въ послѣдствіи перешедшей въ вѣдѣнія приказа тайныхъ дѣлъ. Эта палата составляла особое при дворцѣ вѣдомство, которому были подчинены цимбальщики и органные мастера. По словамъ автора: «Въ царской потѣшной палатѣ музыкальные инструменты, цымбалы, органы и т. п. существовали не для одного лишь гуденья, а представляли необходимую и весьма важную статью и для другихъ разнообразныхъ увеселеній. При ихъ посредствѣ устроивалось всякое *скомрашное* дѣло и всякая *смѣхотворная хитрость* разными *веселыми* людьми или скоморохами въ исключительномъ смыслѣ, какъ творцами походячихъ народныхъ спектаклей» (стр. 435). Такимъ образомъ государевъ дворецъ особенно царицыни хоромы на стран. 219 походятъ на монастырь, гдѣ исключительная стихія

молитва и милостыня, на стр. 432 имѣютъ уже потѣшную палату, гдѣ производится всякая смѣхотворная хитрость разными веселыми людьми. Значитъ теорія автора прямо противорѣчитъ практикѣ — дѣйствительному тогдашнему быту царскаго дворца и царицыныхъ хоромъ. Настоящую главу авторъ заключаетъ сказаніями о медвѣжей потѣхѣ и о театральныхъ зрѣлищахъ явившихся при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ послѣдніе годы его царствованія. Какъ медвѣжья потѣха попала къ числу принадлежностей быта Московскихъ царицъ, это конечно должно остаться загадкой, ибо изъ самаго описанія этой потѣхи у автора разгадать эту загадку нѣтъ возможности.

Глава VI. *Царицынъ дворовый чинъ.* Первою и высшею степенью или чиномъ при дворѣ царицы были *дворовыя или верховыя боярыни*, а между ними первыя были мамы малолѣтнихъ царевичей и царевенъ. Авторъ съ довольною подробностію описываетъ ихъ обязанности, права и значеніе при царицыномъ дворѣ, и приводитъ списки мамъ и боярынь, состоявшихъ въ царицыномъ чину въ теченіи XVII вѣка, списки весьма любопытные, могущіе служить ключемъ къ исторіи Московскаго двора въ XVII столѣтіи; ибо мужская и женская половины государева двора находились во взаимной зависимости, придворная служба женщинъ-боярынь даже шла въ счеты мѣстничества. За боярынями въ царицыномъ чину слѣдовали, постепенно понижаясь: казначеи, ларешницы, учительницы и мастерицы царевенъ, кормилицы, псаломщицы, боярышни-дѣвицы, постельницы и комнатныя бабы, мастерицы и ученицы золотныя и бѣлыя, и послѣднюю степень составляли портомои. Мужской царицынъ чинъ распредѣлялся на приказный, крестовый, стольничій, походный, истопничій и мастерской; всѣми сими чинами завѣдывалъ царицынъ дворецкій, у котораго былъ особый приказъ, носившій названіе *постельнаго приказа Государыни царицы*, или иначе *приказъ царицыной мастерской палаты.* Въ концѣ настоящей главы авторъ помѣщаетъ нѣсколько сыскныхъ дѣлъ, которыя до нѣкоторой степени обрисовываютъ дворцовый *верхъ* и по преимуществу дворцовый *низъ*, т. е. младшую среду дворцовой службы.

Глава VII. *Царицыны наряды, уборы и одежда.* Эту главу авторъ начинаетъ общимъ разсужденіемъ о древнемъ Русскомъ костюмѣ, о его происхожденіи и о вліяніи на него нашихъ сосѣдей въ Европѣ и въ Азіи. Жалко что авторъ здѣсь не обратилъ вниманія на современный народный женскій костюмъ, еще сохранившійся отъ

старины въ разныхъ мѣстностяхъ великороссійскихъ губерній, онъ еще во многомъ можетъ служить ключемъ къ разгадкѣ недоумѣній въ древнемъ женскомъ костюмѣ, въ немъ даже сохранились древнія названія разныхъ принадлежностей женскаго костюма.

За общимъ разсужденіемъ о костюмѣ у автора слѣдуетъ подробное описаніе разныхъ принадлежностей костюма царицъ и царевенъ, а также состоящихъ при нихъ боярынь и боярышень въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Это описаніе составлено большою частью по подлиннымъ оффиціальнымъ памятникамъ и представляетъ много интересныхъ подробностей. Авторъ сперва описываетъ головные уборы, за тѣмъ слѣдуютъ уборы, извѣстные подъ общимъ именемъ *золота* и *саженья*, или *ларечной кузни;* сюда относились уборы шеи, ушей и рукъ; таковы для шеи: монисто, цѣпочка, ожерелье; для ушей серги, для рукъ перстни, жиковины, обручи, запястья, зарукавья. Собственно платье составляли: сорочки, это названіе принадлежало какъ рубахамъ, такъ и собственно платью, первая была нижнею и называлась бѣлою, верхнія сорочки шились изъ разныхъ легкихъ матерій, иногда по швамъ вынизывались жемчугомъ и расшивались шелками; за сорочками слѣдовали тѣлогрѣи, которыя были зимнія и лѣтнія; потомъ слѣдовали разныхъ названій шубки, лѣтники, опашницы или приволоки въ родѣ нынѣшнихъ мантилій, охобни, кортели, торлопы, бобровыя ожерелья, или пелерины, рукава или муфты, перщатыя рукавицы, ширинки или ручные платки. Обувь составляли: чулки, башмаки, ичедыги, чеботы. Авторъ представилъ весьма любопытныя примѣрныя цифры разныхъ нарядовъ для царицъ Евдокіи Лукьяновны, Марьи Ильиничны и Агафьи Семеновны и для царевенъ; цифры эти весьма интересны, они показываютъ, что количество разныхъ нарядовъ у царицъ и царевенъ было не роскошно, особенно у царевенъ; такъ напримѣръ горлатныхъ шапокъ царевны имѣли только по одной, опашней также по одному и много по два; но лѣтниковъ, шубокъ и тѣлогрѣй гораздо болѣе, такъ напримѣръ у царевны Ирины Михайловны было 33 лѣтника, 18 шубокъ и 37 тѣлогрѣй.

За описаніемъ нарядовъ царицы у автора слѣдуетъ описаніе царицыной свѣтлицы, или мастерской палаты, гдѣ постоянно занимались бѣлымъ и золотнымъ шитьемъ бѣлыя и золотныя швеи и мастерицы, принадлежавшія къ нисшему царицыну чину. Настоящую главу авторъ заканчиваетъ изложеніемъ хамовнаго дѣла, или приготовленія бѣлой казны, т. е. полотенъ и другихъ льняныхъ издѣлій для царскаго обихода. Изготовленіемъ разныхъ предме-

товъ бѣлой казны занимались двѣ большія городскія слободы, въ Москвѣ—Кадашевская и въ Твери—Константиновская и два села Ярославскаго уѣзда Бреитово и Черкасово. Полотны въ царицыныхъ слободахъ ткались двойныя изъ двойной пряжи, гладкія и полосатыя; тройныя изъ тройной пряжи, потолще, тоже гладкія и полосатыя; Тверскія тоже тройныя. За тѣмъ скатерти или скатертные столбцы; убрусы или полки убрусныя, утиральники, потенца, и кромѣ того изготовлялись нити и бѣль. Производствомъ занимались хамовники (ткачи) и дѣловицы: ткальи, пряльи, бральи, швеи, задѣльницы, бѣльницы или бѣляницы и бердники. Работа была распредѣлена между ними на годовые уроки. Каждый урокъ назывался *дѣломъ:* дѣло ткалейное, дѣло прядитья, дѣло бралейное, швейное, бѣляное, бердяное. Авторъ подробно описалъ всѣ сіи дѣла и порядокъ ихъ производства; такъ что отдѣлъ о бѣлой казнѣ или хамовномъ дѣлѣ можно назвать лучшимъ изъ всѣхъ отдѣловъ настоящей книги.

Но самый лучшій и драгоцѣннѣйшій отдѣлъ настоящей книги составляютъ матеріалы, помѣщенные внѣ главъ и подъ особымъ счетомъ страницъ. Этотъ отдѣлъ собственно и представляетъ наглядную картину домашняго быта царицъ Московскихъ, а всю книгу помѣщенную впереди его можно назвать неудачнымъ предисловіемъ къ настоящему отдѣлу. Здѣсь авторъ помѣстилъ сто тринадцать выписокъ изъ подлинныхъ книгъ и дѣлъ по управленію царицынымъ дворцомъ, исполненныхъ самаго живаго интереса. Въ сихъ драгоцѣнныхъ выпискахъ мы находимъ указанія и о домашнихъ занятіяхъ царицъ, о положеніи и значеніи дворцовой среды, которая ихъ окружала. Здѣсь напримѣръ помѣщены крестоприводныя записи при поступленіи на службу въ царицынъ дворецъ, свадебные пріѣзды къ царю бояръ, царицыны походные расходы, и многіе другіе акты, объясняющіе домашній бытъ царицъ. Но особенно бросается въ глаза дѣло о розыскахъ государевой казны у бывшей царицы Марьи Петровны Шуйской въ 1609 году. Въ этомъ дѣлѣ развѣнчанная царица является въ полномъ сознаніи своего достоинства и держитъ себя противъ бояръ не какъ загнанная монастырка или какая-либо затворница, незнающая общественныхъ отношеній. Въ этомъ же отдѣлѣ мы встрѣчаемъ описи платья и всякой казны времени царей Ѳедора Ивановича, Бориса Годунова и Василія Шуйскаго; а также счеты денежнаго приказа и расхода царицыной мастерской палаты съ 1624 по 1653 годъ, гдѣ въ продолженіи почти 30 лѣтъ нѣтъ ни одной пере-

держки расходовъ противъ прихода, а напротивъ въ каждомъ году оказывался остатокъ иногда довольно значительный. Значитъ хозяйство царицына двора было ведено съ большою разсчетливостью.

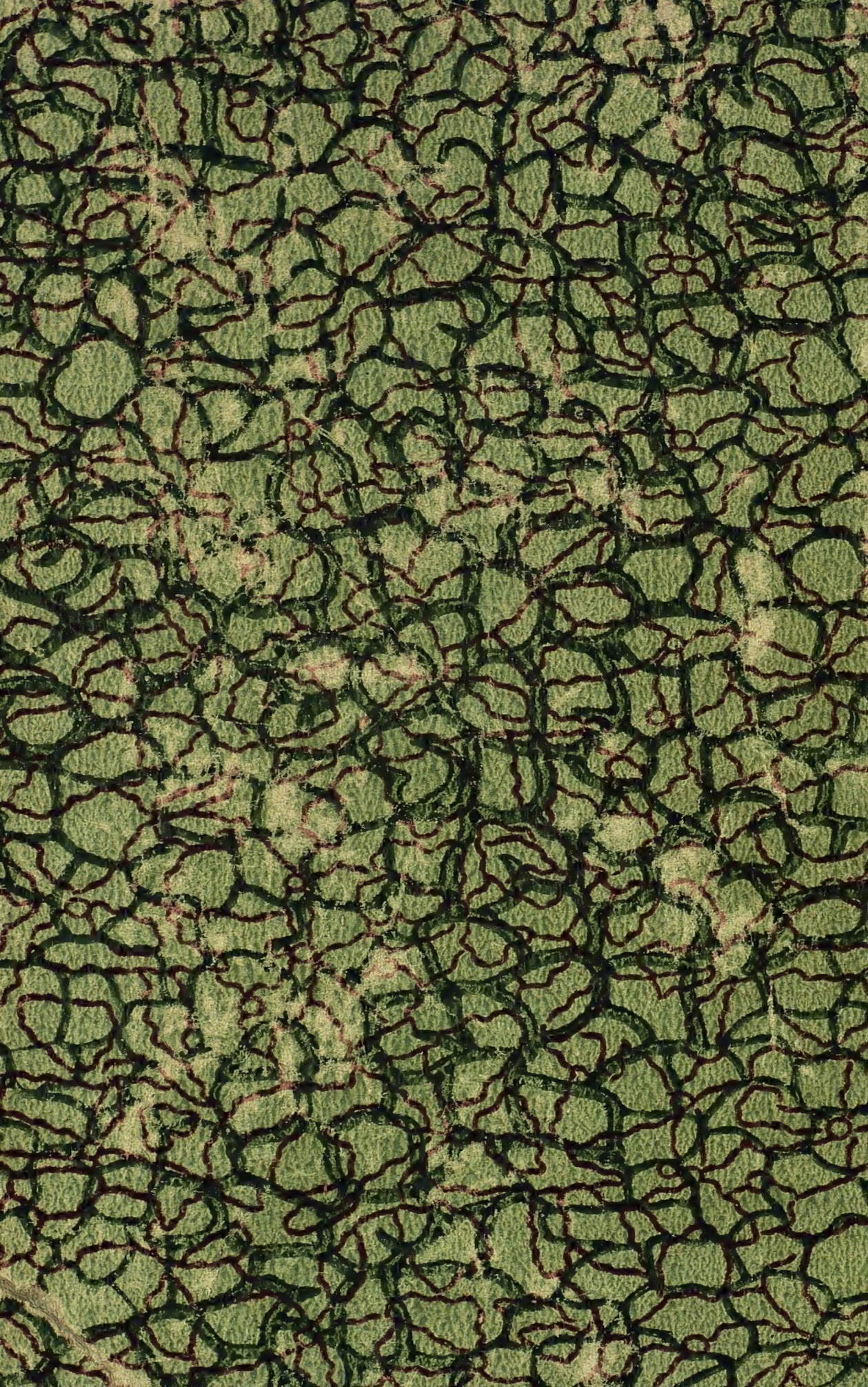
Изъ представленнаго мною настоящаго разбора книги, подъ названіемъ: «*Домашній бытъ Русскихъ царицъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ*», Академія Наукъ можетъ видѣть, что книга сія, съ одной стороны, содержитъ въ себѣ множество драгоцѣнныхъ выписокъ изъ подлинныхъ памятниковъ, за которыя историки-изслѣдователи должны быть благодарны собирателю, и Академія исполнитъ свой долгъ назначивши ему награду; а съ другой стороны, помѣщенныя въ книгѣ изслѣдованія бо̀льшею частью ошибочны, противорѣчатъ собраннымъ въ книгѣ фактамъ, затемняютъ дѣло и даютъ ему превратный смыслъ; но, повторяю, что собранные матеріалы драгоцѣнны и стоятъ награды.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
480008

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мая 1872 года.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій.*

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

КОПИРОВАНИЕ

10.08.94